

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЗМ ДРАМЫ ИЛЬИ СУРГУЧЕВА «РАСПУТИН»

Малахова Н.М.¹

¹ МБОУ Гимназия №25, Ставрополь, Россия (355017, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, 6), e-mail: malahova25@gmail.com

В статье впервые представлена драма Ильи Сургучева «Распутин». На материале архива писателя документированно изложена история создания пьесы, оговариваются источники, положенные в ее основу. Установлено, что пьеса была заказана режиссером Григорием Ратовым для постановки в театре Нью-Йорка. Затронут вопрос об авторстве произведения. Раскрыта форма участия в создании пьесы журналиста Петра Ельфинова. Доказано, что автором идеи и текста пьесы является Сургучев. Освещаются проблемы историзма драмы, специфика обобщения и подачи автором фактов и социально-политических мифов эпохи, связанных с жизнью и деятельностью Григория Распутина. Раскрываются пути создания образа Распутина на фоне событий Первой мировой войны, дана его портретная и речевая характеристика. Показано авторское видение проблемы войны и мира в истории, реализуемое в сложной архитектуре пьесы: сюжет, лейтмотив, система персонажей, структура. Личностное видение истории автором раскрывается через существенные вопросы бытия, поднимаемые в финале произведения.

Ключевые слова и фразы: Сургучев, архив, рукопись, драма, тема войны, историческое произведение, драматургия

HISTORY AND HISTORICAL METHOD OF DRAMA OF ILYA SURGUCHEV «RASPUTIN»

Malakhova N.M.¹

Gymnasium №25, Stavropol, Russia, (6 Zootekhnicheskiiy avenue, Stavropol, 355017), e-mail: malahova25@gmail.com

The drama of Ilya Surguchev "Rasputin" is studied for the first time in this article. On the basis of documentary material from the author's archive the history of the creation of the play is described and the sources on which the drama is based are considered. It was found that the play was commissioned by the director Grigory Ratov to be staged in New York's theatre. The question about the authorship of the work is also raised. The article discloses a form of participation of journalist Peter Yelfimov in the creation of the play. In the article it is proved that the author of the idea and the text is Surguchev. Such problems as drama historicism, specific generalization and author's interpretation of the facts and socio-political myths of the era associated with the life and work of Grigory Rasputin are highlighted. The ways of creating an image of Rasputin on the background of the events of the First World War, his portrait and speech characteristics are considered. The author's vision of the problems of war and peace in the history, realized in the complex architecture of the play: the plot, the leitmotif, the system characters, structure is displayed. The personal vision of the history of the author is revealed through the essential questions being raised in the final of the play.

Keywords: Surguchev, archives, manuscript, drama, the theme of war, historical work, dramatic art

Внимание широкой мировой общественности, ученых, политиков к скорбному «юбилею» начала Первой мировой войны, особенно на фоне трагических параллелей 2014 года, свидетельствует о том, что и в наши дни, несмотря на вековой разрыв, изучение событий 1914–1918 годов не утратило своей актуальности, ибо связано оно непосредственно с решением одной из самых жгучих проблем человечества – проблемой войны и мира. Обращение к прошлому необходимо для понимания настоящего. В этой связи представляется целесообразным обратиться к источникам, в которых уроки Первой мировой осмысляются как личные жизненные уроки. В данном случае имеются в виду произведения

художественной литературы, авторы которых были не просто свидетелями, но и участниками трагических событий второго десятилетия XX века.

Произведения русской литературы о Первой мировой войне в целом довольно объемно представлены в отечественной науке. Однако немало еще в этой области и лакун. Отнесем к таковым прежде всего произведения, ни разу не публиковавшиеся, «осевшие», так сказать, по разным причинам в писательских архивах. Обнаружение и введение таких документов в научный оборот представляется открытием не только в историко-литературном плане, но и в сугубо историческом, даже антропологическом, поскольку литература не только отражает содержание циркулирующих в обществе идей и мнений, но и во многом задает параметры поведения в обществе, оказывает влияние на формирование новых идей и взглядов, иными словами, является частью публичной культуры эпохи.

Одним из таких произведений, безусловно, заслуживающих внимания исследователей, является пьеса «Распутин» писателя и драматурга первой половины XX века Ильи Дмитриевича Сургучева. О ее обнаружении уже сообщалось в нашей статье «Драматургическое наследие И.Д. Сургучева: параметры классификации» [8], а о причинах ее «не востребоваемости» вкратце говорилось в докладах на недавней научно-практической конференции «Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте» (Ставрополь. СКФУ, 2014) [1; 7]. Тем не менее, подчеркнем, что данная пьеса по целому ряду функционально-тематических классификационных параметров может рассматриваться как историческое произведение.

Как известно, основной корпус неизданных произведений И.Д. Сургучева хранится в личном (персональном) фонде писателя в Бахметьевском архиве российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) (далее «Бахметьевский архив»). Там же найдены и два варианта (рукописный и машинописный) пьесы «Распутин». Сопутствуют этим источникам и эпистолярные документы, то есть письма самого Сургучева и его респондентов, в которых данная пьеса упоминается.

Сохранившаяся рукопись состоит из трех фрагментов, написанных на листах формата А4 голубыми чернилами. Все листы пронумерованы: 4 картины первого действия (листы 1-27), 4 картины третьего действия (листы 29-51) и конец второго действия (лист 28). В рукописи много авторских помет, исправлений, зачеркиваний (иногда карандашом), что свидетельствует о кропотливой работе И.Д. Сургучева над сочинением. Даже беглый анализ почерка, манеры ведения записей, оформления полей, помет и т.д. не позволяют усомниться, что данная рукопись принадлежит И.Д. Сургучеву.

Машинопись, также выполненная на белых листах формата А4, представляет собой полный текст драмы «Распутин» в трех действиях и двенадцати картинах: первое действие (листы 1-25), второе действие (листы 26-52) и третье действие (листы 53-74). К данному варианту приложен рукописный титульный лист (б/н) с названием «Распутин», подписью и парижским адресом И.Д. Сургучева, а также важной с точки зрения истории создания произведения пометой: «Пьеса И. Сургучева и П. Ельфинова». Авторская подпись имеется также на страницах 53 (начало третьего действия) и 59 (конец IX картины). На 53 странице подписью Сургучева заверено рукописное примечание, сделанное самим автором: *«Пьеса «Распутин» написана мной совместно с П.П. Ельфиновым. Эти картины, почти полностью, написаны лично мной изначально»* [6, л. 53]. Вероятно, картины третьего действия Сургучев намеревался опубликовать, чем и продиктована авторская сноска. Была ли она сохранена при издании, если оно было осуществлено, неизвестно, поскольку таковое пока не обнаружено, но в авторизованной распечатке примечание зачеркнуто.

Упоминание в машинописном варианте в качестве соавтора пьесы имени Петра Петровича Ельфинова более чем странно. Он был известен как человек монархических взглядов, журналист, сотрудничавший до революции в петроградской газете «Вечернее время», а в эмиграции – как редактор еженедельной внепартийной газеты «Новая Россия» (Вена) и русско-немецкой газеты «Родина» (Берлин) «вполне антибольшевистского направления», стоявшей «на платформе единения с немцами» [4, с. 452].

Творческий союз драматурга и журналиста сложился летом 1928 года в Париже, о чем становится известно из сохранившегося чудесным образом в архиве чернового варианта письма И.Д. Сургучева П.П. Ельфинову от 28 июля: *«В июне сего года, – пишет Сургучев, – я получил заказ написать в одну неделю (Подчеркнуто автором. – Н.М.) пьесу о Распутине. Так как одних человеческих сил недостаточно, чтобы выполнить эту задачу в такой короткий срок, я обратился за помощью к Вам. <...> Я обратился к Вам не как к драматургу, разумеется, ибо трудов Ваших в этой области ни я, да, наверное, и никто не знает. Я обратился к Вам, как к газетному «специалисту» по Распутину...»* [5, л. 1].

Далее Сургучев уточняет причины и условия договора о сотрудничестве с Ельфиновым: *«...Мне было жаль Вас, беспомощного человека, неоднократно обращавшегося ко мне за материальной помощью, умолявшего меня дать возможность «зацепиться» за чье-то имя и «выплыть». Я подписал с Вами соглашение, <...> я согласился даже поставить Ваше имя рядом со своим: *выплывай!*»* [5, л. 1. об.].

Из приведенных фрагментов становится понятно, что автором пьесы является все-таки И.Д. Сургучев, а роль Ельфинова ограничивалась лишь сбором необходимого исторического материала. В письме, что очень значимо, проясняется период работы писателя

над пьесой, точное время ее создания. Подчеркнем: 1928 год – знаковая дата для осмысления итогов и уроков Первой мировой. Это год 10-летия подписания так называемого Брестского мира, по которому Россия, тогда уже Советская Россия, вышла из мировой войны и полнокровно влилась в гражданскую.

Важен в этом письме и намек на мотив, ставший толчком к написанию пьесы «в недельный срок». Здесь надо отметить, что интерес к личности Распутина практически не угасал с момента его появления на исторической сцене. Но спустя десять лет после его смерти миф о Распутине начал расти как снежный ком, в том числе благодаря многократным публикациям на русском языке, а затем и в переводах дневников А.С. Симановича и В.М. Пуришкевича, мемуаров кн. Ф.Ф. Юсупова и прочих источников и документов. Демонизировала личность Распутина и огромная фильмография, которая к 1928 году насчитывала более десяти картин. Известностью пользовались и несколько пьес, одна из которых ставилась даже в Советской России.

Популярность образа «святого дьявола», как назвал его Стефан Цвейг, была огромна, и не воспользоваться этим было, конечно же, нельзя. Предложение о создании пьесы, а затем и киносценария о Распутине поступило И.Д. Сургучеву от Григория Васильевича Ратова – русского актера и режиссера, который с 1925 года обосновался в Нью-Йорке, собрав вокруг себя целую труппу русских актеров-эмигрантов. Прочитируем фрагмент одного из писем Г.В. Ратова И.Д. Сургучеву, датированного концом июня 1928 года: *«Теперь насчет «Распутина». Он уже переводится – и не позже 20-го августа идет в репетиции. <...> «Распутина» необходимо поставить не позже 15-го сентября, ибо другой здешний антрепренер имеет американского «Распутина», а первый поставивший выиграет. Ставить пьесу буду я, а играть Распутина будет первокласснейший актер Muni Wisenfrend. Это идеальный выбор. С ним у меня будет в понедельник подписан контракт. Аванс на «Распутина» вышлю вовремя, как и было условлено. <...> Предчувствую, что «Распутин» – будет большая сенсация!»* [2, л. 2. об.].

Темпоритм данного письма Г.В. Ратова, как, впрочем, и других его корреспонденций, свидетельствует о поистине голливудском размахе во всех его начинаниях. И это было действительно так. В выборе режиссера сомнений у Сургучева не было. Однако театральный успех пьесы зависел не только от режиссера и подобранных актеров, но и от качества, художественных достоинств самого литературного материала. А это мог гарантировать только драматург. Г.В. Ратов понимал это, учитывая, что пьеса пойдет на Бродвее, в знаменитейшем американском театре: «Если бы Вы знали всю правду о том, как искренне и честно и с какой энергией мы здесь работаем для «Распутина», – писал он Сургучеву уже 31 августа 1928 года, – Вы бы спали совершенно спокойно. Самая главная картина «Распутина»

– убийство – очень слаба. Ее для Америки нужно сделать гораздо больше, запутаннее, и больше кинематографа...» [3, л. 1. об.].

И все же требуемой режиссером сцены убийства Распутина в пьесе Сургучева не оказалось. Драматург далек был от мысли о пародийно-шутковском пафосе в изображении этой незаурядной и загадочной личности. Его художественная эмоциональность в пьесе опирается на все тонкости и нюансы трагедийно-драматической патетики, что и позволило создать в полном смысле философский текст, требующий не однозначных оценок, но размышлений – размышлений о судьбах Родины и мира, так зависящих подчас даже от жизни и судьбы одного конкретного человека.

Лейтмотивом в пьесе выступает тема Первой мировой войны, формирующая каркас всей драматургической архитектуры. Заявляется она с первой ремарки, с первых реплик действующих лиц и набирает силу к финалу. Сургучев стремился показать все уровни войны в синхронии и диахронии, добившись поистине толстовского мастерства обобщения и типизации. Последовательно, от картины к картине, от реплики к реплике проводит он мысль об идеальном государстве, истинной вере, подлинном патриотизме, вступающих в непримиримое противоречие с реальной действительностью. В пьесе сталкиваются историческое и условно-историческое время, пространство и образ действия. Горизонт эпического размаха подчеркивают слова одного из второстепенных персонажей, звучащие рефреном практически в каждой сцене: *«Я не знаю, чем это все может кончиться. Война там – война здесь!»* [6, л. 46].

Историзм, понимаемый как способность автора в художественном произведении точно воссоздать облик, колорит, дух ушедшей исторической эпохи, в драме «Распутин» основывается на документальных фактах и свидетельствах, на легендах и преданиях о реальных событиях. Судя по афише, ключевыми фигурами в пьесе, помимо, естественно, самого Григория Ефимовича Распутина, выступают Государь Император Николай II, Государыня Императрица Александра Федоровна, Цесаревич Алексей, Великий Князь Михаил Александрович и др. Обрамляя реальные исторические персонажи целым кругом условно вымышленных героев, автор, с одной стороны, подпитывает миф о Распутине как «друге семьи», «прозорливце» и «целителе», а с другой – развенчивает легенду о его негативном влиянии на исход войны.

Одним из показательных мифов публичной культуры России 1914–1918 годов был миф о предательстве и измене. Почти все тактические и стратегические неудачи России в войне: позорные отступления, поражения и потери, катастрофический кризис в поставках вооружения и боеприпасов – приписывали деятельности шпионов. Фантазии об изменниках, действовавших на внутреннем фронте и вынашивавших планы сдачи врагу всей страны,

отчасти подпитывались и литературой периода войны. Все эти настроения общества, до мельчайших нюансов, не ускользнули от И.Д. Сургучева и нашли отражение в пьесе: в разговорах между членами царской семьи, в докладах и поступках чиновников, в скупых репликах военных, в диалогах представителей купечества и светского общества.

Показательна в этом плане сцена обличения торговых махинаций купцов и коммерсантов, преступные деяния которых воспринимались как саботаж и шли вразрез с народным духом войны. Разоблаченные и приговоренные к суровому, но справедливому, по военному времени, наказанию сахарозаводчики, посылают депутацию к Распутину, надеясь на его содействие:

1-й Д е п у т а т (плаксиво): Отец Григорий, вышла ошибка: не вели казнить, вели слово вымолвить. Сахарозаводчики мы. Хранили сахар про запас, на случай; думали: мало ли что?.. Для армии понадобится, в Петрограде нехватка случится. Без злого умысла, видит Бог, да и ты, праведный отец, видишь, ты ведь все видишь, ты святой человек, что без злого умысла... А военные власти...

Г р и г о р и й (гневно и резко перебивая): А военные власти говорят, что вы спекулянты паршивые, что вы с народа, с мужика-то, двадцать шкур норовите сорвать! Миллионы загребаете! Обмануть меня хотите? Нет вам прощения от мужика! Уходите, уходите! Нет вам прощения! Умели воровать, умеете в тюрьме сидеть! И тюрьмы мало, на каторгу сошлю вас, спекулянтов! [6, л. 20].

Драматург показывает, что непосредственное участие Распутина в разрешении социально-политических и экономических противоречий, вызванных войной, воспринималось неоднозначно и провоцировало новые конфронтации: «*В военные дела все чаще и чаще вмешиваются темные безответственные силы, тыл погряз в неслыханном разврате и кутежах!* – восклицает один из персонажей и завершает свой монолог выпадом против главного героя пьесы: – *Он одурманил, загипнотизировал царя и царицу, и его корявая рука чувствуется и здесь, в тылу, и там, на фронте. Я боюсь быть пророком, но это к добру не приведет! Это к добру не приведет!*» [6, л. 9].

Не обходит Сургучев своим вниманием и так называемую теневую сторону войны: деятельность тайных канцелярий и иностранных военных разведок. В центре их интриг, по замыслу автора, также оказывается Распутин. Именно в нем они видят человека, способного изменить ход течения войны. Втянутой в эту интригу оказываются и царская семья, и российская полиция, и армия, и обыватели. Замысел врагов и предателей России в том виде, в каком он представлен в пьесе, прост: немецкий генерал Людендорф посылает распоряжение офицеру из спецслужб, офицер – завербованному предателю, тот передает человеку из окружения Распутина, он «*нашептывает Распутину, Распутин пророчествует*

государыне, государыня пишет истерические письма с указаниями и советами, что надо делать на фронте, государю, а государь, как верховный главнокомандующий, отдает приказы по армии. И таким образом выходит, что генерал Людендорф командует русской армией» [6, л. 29-30].

Из этого монолога становится понятно, что война, в которую втянута Россия, несмотря на союзнические договоры, в конце концов направлена против нее самой. Сургучеву удается провести мысль, что даже спецслужбы стран-союзниц не допускали мысли о победе России в этой войне, поэтому все силы бросали на ее поражение.

Сам Распутин по сюжету пьесы понимает, что оказался в эпицентре «войны». Кольцо «фронтов», в которые вовлечены Государь и Государыня, - министры и политики, купцы и промышленники, простой народ и иностранные спецслужбы - вокруг него сжимается. Оказавшись в положении загнанного зверя, он пророчествует, но слов его, к сожалению, никто не слышит: *«А когда придет мне кончина, то польется гроза на Россию, все погибнут!.. Страшной смертью!.. И царь, и царица, и миллион русских людей... И брат пойдет на брата... И будет глад и скрежет зубовный...» [6, л. 39].*

Все мысли и поступки главного героя пьесы – Распутина – тоже связаны с войной. В начале четвертой картины он вопрошает о смысле войны, о силе царской власти, призывает покончить с войной: *«Ведь подумать только, сколько миллионов людей погибло, сколько нашего брата, мужика-то, полегло! Довольно крови! Замиренье надоть! Генералы воевать хотят, а мужику-то головы терять ох как надоело!» [6, л. 17].* Боль за Россию, простых людей, более всего страдающих от войны, переполняет слова Распутина, но слышен в них и гнев на раскол в народе, порождаемый войной, на непримиримость сложившихся в государстве «партии войны» и «партии мира».

И.Д. Сургучев – мастер речевого образа. Ему удалось индивидуализировать характеры всех героев через подачу их речевых портретов. Но главное его достижение, конечно же, образ Распутина. Усиливая от картины к картине эмоциональный строй речи главного героя, драматург тем самым определяет главный вектор его действенного восприятия: речь Распутина лишена игры смыслов, сталкиваясь с агрессивно-ироничными оценками в свой адрес, он остается холоден и непримирим, его противоречия и искания соотносимы с противоречиями и исканиями эпохи, в которой он живет, с мыслями и поступками людей, ему сопричастных. Его беспокоит лишь одно – истина, от которой он боится отступить. Правда, на которой стоит Распутин, в том, что он не отделяет свою личную судьбу от судьбы России. О ней лишь его думы, молитвы и слезы: *«Господи! Батюшка! Пощади Россию, страну мою великую! Пронеси твои тучи грозовые! Окропи ее*

дождем летним, благодатным! Услышь молитву мою простую, мужицкую, грешную! Помилуй, Господи! Склонись к нам лицом Твоим милостивым! (Заплакал.) [6, л. 25].

Безусловно, при создании образов персонажей пьесы Сургучев опирался на имевшиеся в его распоряжении документы, дневники, мемуары. Но он высказывает в пьесе и свою правду, свое отношение к историческим фактам, оказавшим влияние на судьбы многих людей. Таким авторским высказыванием стала заключительная картина пьесы. Действие в ней перенесено из многоплановых декораций Петрограда, где завязывались основные конфликты сюжета произведения, в действующую армию, на фронт, в солдатские окопы – туда, где шла не дворцово-интрижная, а настоящая война. В финале пьесы Сургучев воспроизводит события, участником и свидетелем которых был он сам. Это его собственный урок истории. Личностный эффект участия автора в изображаемых событиях достигается особым – репортажным – слогом, диссонирующим по отношению к стилистике всех предшествующих одиннадцати картин.

На фронте, во время затишья между боев, офицер, в веселом расположении духа, доводит до солдат «радостное известие»: «Убили этого негодяя и проходимца Гришку Распутина!» Офицер уходит, а солдаты, расположившись на отдых, угрюмо обсуждают случившееся и осуждают веселье офицера. Заканчивается пьеса немой сценой, перед которой звучит солдатская молитва: «Помяни, Господи, душу усопшего, невинно убиенного раба твоего Григория Ефимовича! Вечная ему память!» [6, л. 73-74].

Таким неоднозначным финалом Сургучев заставляет задуматься над вечным вопросом бытия: «Можно ли смертью одного человека искупить грехи всех людей?» История в который раз показывала: гибель одного человека влечет за собой смерти сотен, тысяч, миллионов людей. Жесточайшая социально-политическая конфронтация, в которую скатилась Россия в начале XX века, конфронтация, которую не удалось преодолеть даже перед лицом внешнего врага, постепенно перетекала в братоубийство. А потому и слова Распутина в пьесе о грядущей гражданской войне воспринимаются после такого финала уже не как пророчество, но как слова человека, знающего историю, учитывающего в своих деяниях многовековой опыт человечества. Суть этого знания и хотел передать своей исторической драмой И.Д. Сургучев.

Список литературы

1. Малахова Н.М. Пьесы И.Д. Сургучева на сценах театров Европы: полюса национального и инонационального восприятия// Медиа- и межкультурная коммуникация в

европейском контексте: Материалы Междунар. научно-практ. конф. (Ставрополь, 15-18 октября 2014 г.). – Ставрополь, 2014. – С. 194-198.

2. Ратов Г.В. Письмо И.Д. Сургучеву конца июня 1928 года // Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers. Box 2. – Correspondents.

3. Ратов Г.В. Письмо И.Д. Сургучеву начала июля 1928 года // Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers. Box 2. – Correspondents.

4. Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов: Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. – М.: Изд-во «Гея», 1998. – 754 с.

5. Сургучев И.Д. Письмо П.П. Ельфимову от 28 июля 1928 года // Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers. Box 2. – Correspondents.

6. Сургучев И. Распутин: пьеса (рукопись; машинопись) // Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers. Box 3. – Arranged Manuscripts.

7. Фокин А.А. И.Д. Сургучев в мировом кинематографе: К постановке проблемы // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: Материалы Междунар. научно-практ. конф. (Ставрополь, 15-18 октября 2014 г.). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – С. 208-214.

8. Фокин А.А., Малахова Н.М. Драматургическое наследие И.Д. Сургучева: параметры классификации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. - № 5 (38). – С. 160-165.

Рецензенты:

Фокин А.А., д.фил.н., доцент, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Чекалов П.К., д.фил.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ГБОУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования», г. Ставрополь.